

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В РОССИИ Часть 2. Судьба презумпции после Октябрьского переворота и в послевоенное время

Барабаш Анатолий Сергеевич

Профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики
и основ судебной экспертизы Красноярского аграрного университета (Красноярск),
доктор юридических наук, e-mail: a.barabash@mail.ru

Послеоктябрьское время характеризуется напряженной борьбой, которая заставила забыть участвующих в ней об общечеловеческих ценностях. Революционное правосознание, как и контрреволюционное, презумпцию невиновности не признавало. Окончание гражданской войны и принятие УПК РСФСР 1923 г. не искоренили классовую борьбу, которая приняла иные формы. На практике действовала презумпция виновности, направленная на получение признания обвиняемым своей вины. Параллельно с этим не прекращалась работа по легализации формулы презумпции невиновности в редакции М. С. Строговича, которая дала результаты в 1978 г., когда Пленум Верховного Суда СССР закрепил ее в своем постановлении. На законодательном уровне подобная попытка не имела успеха. Формулу презумпции невиновности ошибочно обнаруживали в ст. 160 Конституции СССР 1977 г., однако соотнесение ее содержания со ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик позволяет сделать вывод, что в ней закреплён принцип осуществления правосудия только судом.

Ключевые слова: презумпция виновности, принцип презумпции невиновности, принцип осуществления правосудия только судом

AN ESSAY ON THE DEVELOPMENT OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE THEORY IN RUSSIA

Part 2. The fate of the presumption after the October Uprising and in the postwar period

Barabash Anatolii

Professor, Krasnoyarsk Agrarian University (Krasnoyarsk), doctor of legal sciences,
e-mail: a.barabash@mail.ru

There was a tense struggle in the post-October time which forced participants to forget about universal values. A revolutionary and counter-revolutionary consciousness did not acknowledge the presumption of innocence. The end of the civil war and the adoption of the RSFSR Criminal Procedure Code did not eliminate class warfare, which had taken new forms. The presumption of guilt was introduced into the law enforcement practice. It resulted in obtaining confessions from accused persons. At the same time, the legalization of the M. S. Strogovich's presumption of innocence formula was being continued. Results of this work emerged in 1978 when the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR enshrined this presumption. However, attempts of stating it in laws were not successful. The presumption of innocence was mistakenly found in Art. 160 of the 1977 USSR Constitution. In fact, the comparison of this norm with Art. 7 of the Fundamental Principles of Criminal Procedure of the USSR and Union Republics let us conclude that there was the principle of administration of justice by the court alone.

Key words: presumption of guilt, presumption of innocence principle, principle of administration of justice by the court alone

В период гражданской войны на территории России отношение к человеку определяла его классовая принадлежность. В отношении представителя чуждого класса действовала даже не презумпция виновности, а уверенность в ней.

С. В. Левчук пишет, что «в эпоху диктатуры пролетариата презумпция невиновности определялась революционной целесообразностью...»¹. Целесообразность, особенно революционная, определяла все что угодно, но только не презумпцию невиновности, независимо от того, какое содержание в нее вкладывать. Предложенные в науке трактовки этого понятия, насколько бы они ни различались, говорят о гуманитарном назначении презумпции невиновности. Диктатура, революционная целесообразность и презумпция невиновности – антагонисты, где присутствует одно, нет места другому.

По словам О. В. Химичевой и Г. П. Химичевой, «Октябрьская революция 1917 г. повлекла переоценку положения о презумпции невиновности в уголовном процессе. В советский период презумпция невиновности получила „ярлык“ буржуазного принципа и практически повсеместно отрицалась»². Они правы в том, что после революции произошла переоценка презумпции невиновности обвиняемого.

Ранее отмечалось, что переоценка презумпции, которую осуществил М. С. Строгович, была настолько кардинальной, что существенно изменила то содержание, которое вкладывалось в нее до революции: слово «предполагается» было заменено словом «считается» невиновным³. С 1930-х гг. М. С. Строгович и его ученики шаг за шагом, настойчиво добивались внесения обновленной им формулы презумпции в законодательство. Наконец, в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ 1993 г. было закреплено, что «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Итак, в советские годы презумпция невиновности не «повсеместно отрицалась», а наоборот, утверждалась. Были противники насаждаемого понимания презумпции, но на памяти их осталось немного. Это С. А. Голунский⁴, В. С. Тадевосян⁵, К. А. Мокичев⁶, В. Д. Арсеньев⁷, В. Г. Заблоцкий⁸.

Но вернемся к началу рассматриваемого периода. Теория перманентной революции Троцкого так и осталась теорией. Революционную целесообразность понемногу вытесняли принимаемые законы. В уголовно-процессуальной сфере это был УПК, утвержденный постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. Текст кодекса свидетельствует о том, что, несмотря на революции и гражданскую войну, преемственность не была потеряна. Этот закон был основан на публичном начале, характерном для Устава уголовного судопроизводства (УУС). Действовал он до принятия УПК 1960 г., тоже сохранившего публичный характер. Уголовный процесс РСФСР остался в семье континентального права, но идеологию этой семьи утратил, и способствовал тому А. Я. Вышинский.

Прежде чем перейти к тому вкладу, который внес в теорию и практику советского уголовного процесса А. Я. Вышинский, позволю себе несколько вступительных замечаний. Ранее указывалось, что момент, с которого в России появилась возможность

¹ Левчук С. В. Политико-правовая природа принципа «презумпции невиновности» // История государства и права. 2015. № 16. СПС «КонсультантПлюс».

² Химичева О. В., Химичева Г. П. Совершенствование принципов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. СПС «КонсультантПлюс».

³ Барабаш А. С. Возникновение формулы «презумпция невиновности»: разоблачение некоторых мифов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 5. С. 33. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1533> (дата обращения: 20.06.2020).

⁴ Голунский С. О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. М., 1937. Кн. 4. С. 59.

⁵ Тадевосян В. С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Советское государство и право. 1948. № 6. С. 70.

⁶ Мокичев К. А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., 1959. С. 33.

⁷ Арсеньев В. Д. О фактах, не подлежащих доказыванию // Правоведение. 1965. № 1. С. 99–100.

⁸ Заблоцкий В. Г. Признание лица виновным в совершении преступления не иначе как по приговору суда – выражение принципа осуществления правосудия только судом // Актуальные проблемы советского уголовного процесса: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1987.

говорить о презумпции невиновности, связан с принятием УУС, основанного на теории свободы оценки доказательств (напомним, что в Своде законов Российской империи уголовное судопроизводство базировалось на теории формальных доказательств). Отныне отношение к обвиняемому и его показаниям стало иным. Если обвиняемый предполагается невиновным, если орган государства обязан доказывать как виновность, так и невиновность обвиняемого (ст. 265 УУС), то царица доказательств – признание обвиняемым своей вины – становится достоянием прошлого, с ней вместе в прошлое уходят и пытки. Кроме того, если обвиняемый предполагается невиновным до вступления обвинительного приговора в силу, можно и должно в определенных ситуациях обойтись без показаний обвиняемого при установлении события прошлого.

Изменение отношения к признательным показаниям и способам их получения произошло не только в тексте закона, но и в сознании многих правоприменителей. То, что возможно обойтись без признательных показаний, доказывали на деле А. Ф. Кони и его соратники, которые «старались не опираться на собственное сознание подсудимого, даже сделанное на суде, и строили свою речь, как бы сознания вовсе не было, почерпая из дела объективные доказательства и улики, не зависящие от того или другого настроения подсудимого, от его подавленности, нервности, желания принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознавая в меньшем, чем то, в чем его обвиняют...»¹.

Пытку как способ получения признательных показаний Л. Е. Владимиров рассматривал как атавизм российского уголовного процесса и предполагал, что, «быть может, встречается иногда пытка физическая и в настоящее время, в каких-нибудь мрачных подпольях полуазиатских государств. Нельзя поручиться, чтобы и в настоящее время у отсталых и темных народов не встречались тупые и жестокие люди, которые не прочь были бы от возвращения к пытке физической как к средству добывания собственного признания и вообще истины в уголовном суде. В истории человечества ни за что поручиться нельзя»². Слова эти были написаны не просто ученым, а известным в то время защитником, представителем великой русской культуры, человеком, мышление которого было сформировано на гуманистических началах, заложенных в УУС. Дореволюционные юристы в силу их общей правовой культуры, реализуемой в правоприменительной практике, с негодованием отвергали насилие в уголовном процессе.

Проследим, как те же самые вопросы, на том же практически основании решали А. Я. Вышинский и его соратники. При этом не будем забывать, что, будучи долгое время генеральным прокурором СССР, он имел уникальную возможность напрямую воплощать свои теоретические воззрения в практическую деятельность, что, на наш взгляд, привело к широкому распространению и оправданию массовых репрессий.

А. Я. Вышинский был сторонником состязательного процесса. Говоря о состязательности, он называл ее советским принципом³, приравнивал правила уголовно-процессуального доказывания к гражданско-процессуальным, утверждая, что «между теми и другими правилами принципиальной разницы нет»⁴. Споря с М. С. Строговичем, он полагал, что обвиняемый обязан «доказать наличие известных фактов или обосновать те или иные положения, которые обвиняемый приводит в свое оправдание. Так, дело обвиняемого, а не обвинителя доказать свое *alibi*»⁵. Иными словами, обязанность обвиняемого перерастает в его долг, а долг, если он не возвращается, может быть взыскан принудительно. Взыскание его на практике зачастую приводило к тому, что обвиняемому вменялось в обязанность доказывать не только свою невиновность, но и виновность, а здесь уже без пыток было не обойтись. Но можно ли в их распространенности винить А. Я. Вышинского? На первый взгляд его позиция по отношению к признательным показаниям свидетельствует о том, что он стоял на

¹ Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 185–186.

² Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 326.

³ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ Там же. С. 245.

вершине либеральной мысли. Так, он писал: «Если другие обстоятельства, установленные по делу, доказывают виновность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение доказательства и в этом отношении становится излишним»¹. Внимательное прочтение приведенного фрагмента все же не дает возможности поставить А. Я. Вышинского в один ряд с А. Ф. Кони и его соратниками в их отношении к признательным показаниям обвиняемого. И мешает этому одно слово – «если». Он готов отказаться от признания обвиняемого как доказательства при условии, что другие доказательства устанавливают его виновность. А если не устанавливают – признание остается доказательством вины подсудимого.

Приведем еще одну цитату, против которой, если рассматривать ее вне контекста, трудно возразить. Автор не признает правильными «такую организацию и такое направление следствия, которое основную задачу видит в том, чтобы получить „признательные“ объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и – еще хуже – единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них»². А. Я. Вышинский предлагает вывести признание обвиняемого «на уровень обычного, рядового доказательства»³, а вот дальше состязательное мышление автора ставит признание обвиняемого в ряд основных доказательств, правда, с оговоркой, что они являются таковыми по ряду дел «о заговорах, о преступных сообществах, в частности, дел об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах. В таких процессах также обязательно возможно более тщательная проверка всех обстоятельств дела, – проверка, контролирующая самые объяснения обвиняемых. Но объяснения в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств»⁴.

Итак, можно наблюдать деградацию отношения к признательным показаниям: вначале предлагается при определенных условиях не относиться к ним как к доказательствам, но в итоге признание провозглашается (хотя об этом не говорится открыто) царицей доказательств. При понимании процесса как состязательного подобное неизбежно: обвиняемый, признавший свою вину, тем самым делает излишними усилия обвинителя по обоснованию своего тезиса, так как пропадает основание для спора. Признание становится ключевым и желанным доказательством.

Начиная с 4 декабря 1930 г., когда Н. В. Крыленко, будучи обвинителем на процессе «Промпартии», заявил, что «лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых», несколько десятилетий в Стране Советов прошли под лозунгом: «Признание обвиняемым своей вины – лучшее, важнейшее, решающее доказательство»⁵. XX век ознаменовался в СССР частичным возвратом к теории формальных доказательств. Был реанимирован ее центральный постулат. Ностальгирующие по тем временам могут возразить, что подобное отношение к признательным показаниям распространялось на небольшую категорию дел, да и обвинительная речь Н. В. Крыленко была направлена против вредителей, буржуазных специалистов. Но под эту небольшую категорию дел попадало большое число граждан Страны Советов. Классовая борьба с врагами народа усиливалась по мере успешного строительства социализма. Тот же Н. В. Крыленко оказался врагом и был расстрелян, а затем реабилитирован. Да и можно ли представить ситуацию, когда усилия для получения признательных показаний прилагались бы только в рамках расследования вредительских, контрреволюционных дел. Насилие (а в большинстве случаев без него нельзя было добиться признательных показаний), получив индульгенцию от прокурора РСФСР (Н. В. Крыленко) и генерального прокурора СССР (А. Я. Вышинского), словно раковая опухоль своими метастазами, пронизало мышление правоприменителей. Не излечена эта болезнь и в настоящее время. Подход, в силу которого значение доказательства зависит от категории дела, не может рассматриваться

¹ Вышинский А. Я. Указ. соч. С. 260.

² Там же. С. 263.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 264.

⁵ Правда. 1930. 8 дек.

в качестве научного. Все доказательства, если они таковыми являются, имеют одинаковое значение для дела.

Уголовный процесс исследуемого периода был полной противоположностью процесса по УУС. По масштабу и степени применения насилия для получения признательных показаний его нельзя сравнить и с процессом по Своду законов Российской империи. Следует фиксировать нравственный регресс правоприменителей, обусловленный внедрением в практику состязательного мышления и атавизма теории формальных доказательств – признания обвиняемым своей вины как царицы доказательств.

Сказанное позволяет утверждать, что первый период развития новой России, когда царил не закон, а революционное правосознание, и второй, когда уже действовал УПК РСФСР, не отличаются по идеологическому основанию. И это даже не презумпция виновности (так как любая презумпция есть предположение, на основе которого решение принять нельзя), это убеждение в виновности без всяких к тому оснований, особенно в тех случаях, когда речь шла о классовом «враге». В силу чего попытки М. С. Строговича в 1930-е гг. ввести в юридический оборот, пусть на бумаге, презумпцию невиновности следует оценить положительно. Он выступил антиподом А. Я. Вышинского, по мнению которого, «недопустимость обвинительного уклона нет оснований связывать с презумпцией невиновности, так как такая постанова лишь осложняет вопрос»¹.

Наступление 1950-х гг. означало коренной перелом в исследовании содержания презумпции невиновности. Накопившаяся усталость от жизни в постоянном страхе, в котором пребывало большинство населения СССР от самого низа до верха, побудило правящую верхушку после смерти И. В. Сталина понемногу смягчать режим, что впоследствии привело к хрущевской оттепели.

В уголовно-процессуальной науке вновь на широкой основе пробудился интерес к презумпции невиновности обвиняемого, чему не в малой степени способствовало участие Советского Союза в работе ряда международных организаций. 10 декабря 1948 г. на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) была принята Всеобщая декларация прав человека. Хотя представитель Союза ССР участвовал в разработке этого документа, на пленарном заседании, где решался вопрос о его принятии, наряду с небольшим количеством других стран СССР воздержался от голосования. В ч. 1 ст. 11 Декларации было закреплено: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, *имеет право* (курсив наш. – А. Б.) считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». Содержание ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации до сих пор некоторыми авторами трактуется как презумпция невиновности обвиняемого².

Приведенное положение далеко отстоит по смыслу от ст. 9 французской Декларации прав человека и гражданина, текст которой признается каноническим определением презумпции невиновности (правда, не всеми). Напомним его: «Поскольку каждый *предполагается* (курсив наш. – А. Б.) невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом». Если во французской Декларации «каждый предполагается невиновным», то во Всеобщей декларации – «обвиняемый... *имеет право* считаться невиновным»³. В первом случае требование направлено вовне – то ли к обществу, то ли к субъекту процесса, но не к обвиняемому (себя предполагать невозможно). Иначе обстоит дело, когда

¹ Выступление А. Я. Вышинского по докладу М. С. Строговича «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде» // Социалистическая законность. 1934. № 4. С. 31–32.

² См., например: Газетдинов Н. И. Реализация принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве России // Журнал российского права. 2005. № 1. СПС «КонсультантПлюс»; Эсендилов М. В. Роль международных правовых стандартов в обеспечении прав обвиняемого // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. СПС «КонсультантПлюс».

³ В Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. закреплена формула, по содержанию соответствующая ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону».

обвиняемый имеет право считаться невиновным. Разве это гарантия того, что он будет защищен от произвола власти? К тому же право принадлежит субъекту, и если он от него отказывается, он признает себя виновным. До тех пор пока обвиняемый считает себя невиновным, виновность его должна быть установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему предоставляются все возможности для защиты. Как только он отказывается от своего права, то пропадает необходимость в установлении его вины в законном порядке. Вроде бы незначительное различие в редакции ведет к существенным последствиям: если ст. 9 французской Декларации носит на себе отпечаток публичного процесса, то ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации – состязательного.

Формула «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» с течением десятилетий набирала все больше сторонников, которых, скорее всего, привлекала не логичность обоснования такого понимания, а мощная фигура М. С. Строговича, который за ним стоял. Презумпция в подобной трактовке казалась настолько важной для уголовно-процессуальной деятельности, что, например, В. И. Каминская писала: «Без презумпции невиновности правосудие в истинном смысле этого слова невозможно»¹. М. С. Строгович, как и предыдущий автор, считал, что значение презумпции настолько велико, что «по сути дела речь идет не об отдельном, хотя бы и важном, процессуальном институте, а о *принципе* (курсив наш. – А. Б.) всей процессуальной деятельности, непосредственно связанном с состязательностью процесса и правом обвиняемого на защиту»².

Отношение к презумпции невиновности как к принципу через несколько десятилетий нашло признание на международном уровне. Международная ассоциация уголовного права созвала в марте 1978 г. в Вене коллоквиум, где была выработана резолюция, посвященная, наряду с прочим, презумпции невиновности. В ней сказано: «Презумпция невиновности является основополагающим принципом уголовного судопроизводства. Из нее следует: а) никто не может быть осужден или формально признан виновным до проведения против него процесса, соответствующего требованиям закона; б) никому не может быть назначено наказание или равноценная санкция до признания его виновным в установленном законом порядке»³. В резолюции XII Всемирного конгресса Международной ассоциации уголовного права, принятой в сентябре 1979 г. в Гамбурге (ФРГ), понятие презумпции невиновности получило следующую трактовку: «Никто не может быть осужден или официально признан виновным иначе как на основании судебного решения и в установленном законом порядке»⁴.

Возникает вопрос: соответствует ли понимание, сформулированное в венской и гамбургской резолюциях, пониманию принципа презумпции невиновности обвиняемого, предложенному упомянутыми выше советскими авторами? На мой взгляд, приведенные положения международных актов практически идентичны тому, что закреплено в ч. 2 ст. 8 УПК РФ, где говорится: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном настоящим кодексом». Но трактуется это положение законодателем не как презумпция невиновности, а как принцип осуществления правосудия только судом. Не соответствует формула, принятая в Вене и Гамбурге, также содержанию ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека (несовершенство этой конструкции было показано выше). Отметим, что два разных определения одного и того же не могут быть одновременно истинными, одно из них обязательно ложно.

После того как презумпция невиновности в советской доктрине была провозглашена принципом, ее формулировка несколько изменилась. Первый вариант, пред-

¹ Каминская В. И. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1946. № 4–5.

² Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.; Л., 1947. С. 227.

³ Цит. по: Касумов Ч. С. Презумпция невиновности в советском праве. Баку, 1984. С. 10–11.

⁴ Там же.

ложенный в 1930-х гг. М. С. Строговичем, по всей видимости, показался ему громоздким для принципа, и он дал его в следующей редакции: «Всякий обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке»¹. Слово «каждый» заменено словом «всякий», что не меняет сути дела, словосочетание «в совершении преступления» изначально было лишним, так как речь идет об обвиняемом, а вот конец фразы старой редакции вряд ли исключен оправданно. Виновность доказывается в установленном законом порядке, а что дальше? Результат доказанной виновности фиксируется в приговоре, но даже оглашение приговора не означает, что лицо виновно в совершении преступления. Приговор должен вступить в законную силу. Трудно понять, что обусловило сокращение формулы. Сложно представить также, каким образом и кем должен реализоваться принцип как требование к деятельности, выполнение которого гарантирует достижение ее целей.

Среди упомянутых ранее противников презумпции были и такие, которые считали формулу М. С. Строговича нелепой. К. А. Мокичев писал: «Нелепость этой формулы совершенно очевидна; по ней следует, что прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, да и суд, пока приговор не вступил в законную силу, имеют дело с лицом невиновным»². В. С. Тадевосян вообще отрицал необходимость презумпции для советского уголовного процесса, основываясь на том, что законодательное предположение о невиновности в 80–90 % случаев оказывается неверным³. Если это так, то мы имеем дело с фикцией⁴.

Очевидно, что презумпция невиновности обвиняемого как принцип с тем содержанием, которое вкладывают в него ее сторонники, не может рассматриваться как временное вспомогательное средство. Она – если это принцип – должна реализовываться по каждому делу субъектами уголовного процесса. Но здесь мы сталкиваемся с абсурдной ситуацией. Следователь, прокурор, судья, расследуя и рассматривая уголовное дело, должны исходить из предположения, что обвиняемый невиновен. Но что делать следователю, когда он приступает к составлению постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного заключения? Получается, что, обосновывая виновность обвиняемого, он должен считать его невиновным. В одинаковой ситуации со следователем оказывается судья. Он постановляет обвинительный приговор, но до его вступления в законную силу должен считать подсудимого невиновным.

Можно предположить, что презумпции невиновности нет места в стадии предварительного расследования, где невозможна состязательность (именно с этим свойством в сознании М. С. Строговича как сторонника состязательного уголовного процесса была теснейшим образом связана презумпция невиновности). Но означает ли это, что следователь должен руководствоваться презумпцией виновности? Отвечая на этот вопрос, следует привести высказывание Р. Д. Рахунова (с содержанием которого мы полностью согласны): «Само следственное дело можно считать законченным лишь тогда, когда проверены все обстоятельства дела, взвешено все то, что говорит за и против обвинения, и когда, по мнению следователя, этими данными устанавливается как событие, так и виновность привлеченного»⁵. Аналогично к решению этого вопроса еще раньше подходил С. А. Голунский. Он утверждал: «Дело должно быть расследовано следователем в полном объеме. Все существенные обстоятельства должны быть выяснены, все сомнения устранены. Доказательства должны быть не только собраны, но и проверены в стадии предварительного расследования»⁶. Нуж-

¹ Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 183–184.

² Мокичев К. А. Указ. соч. С. 33.

³ Тадевосян В. С. Указ. соч. С. 71.

⁴ В научном мышлении фикция – это «предположение, невероятность, даже невозможность которого осознаются, но оно, тем не менее, может сослужить эльшую службу человеческому разуму как временное вспомогательное понятие». См.: Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3576/ФИКЦИЯ (дата обращения: 07.02.2018).

⁵ Рахунов Р. Обвинительное заключение // Социалистическая законность. 1945. № 11–12. С. 39.

⁶ Голунский С. А. К вопросу о реформе предварительного расследования // Проблемы социалистического права. М., 1938. Вып. 4. С. 25.

но добавить, что при таком подходе проверка «всех обстоятельств дела» может привести следователя к выводу о невиновности обвиняемого. А это достижимо только через выдвижение и проверку всех возможных, исходя из имеющейся информации, версий. Сказанное не относится к принципам, а входит в структуру механизма познавательной деятельности.

Что касается прокурора, то для него принцип презумпции невиновности не писан. «Прокурор направляет дело в суд для предания суду, выступает в подготовительном заседании, а затем и в судебном заседании лишь тогда, когда убежден в обоснованности, правильности обвинения. Если прокурор не убежден в виновности подсудимого, незачем было направлять дело в суд, выступать на суде. Прокурор идет в суд в качестве обвинителя только при условии, если он убежден материалами следствия в виновности подсудимого»¹. Такую же точку зрения занимал и виднейший советский процессуалист М. А. Чельцов-Бебутов: «Если прокурор утвердил... обвинительное заключение и направил его в суд, требуя предания обвиняемого суду, он пришел к твердому выводу о правильности предъявленного обвинения, о достаточной обоснованности его доказательствами, о необходимости судить и наказать того, кто изобличается в совершении преступления»². Прокурором подсудимый уже изобличен, дело за малым – изобличить его перед судом. Возникает вопрос: когда прокурор успел изобличить обвиняемого? Он это сделал, ознакомившись с материалами следствия при утверждении обвинительного заключения; более того, на основе этих материалов у него возникло внутреннее убеждение в виновности обвиняемого. Однако здесь нарушается «золотое» для юристов правило о непосредственном исследовании доказательств, в результате которого только и возможно сформировать внутреннее убеждение. Оказывается, можно знать, кто преступник, ознакомившись только с письменными материалами уголовного дела. А достоверны доказательства или нет – неважно, ведь их собрал следователь, а прокурор доверяет следователю как себе, становясь заложником следствия.

В данном случае перед нами – карикатура на обвинителя в состязательном процессе. В странах общего права прокурор на этапе досудебной подготовки дела выступает в роли дознавателя, который сам собирает информацию и руководит действиями офицеров полиции по ее сбору. У него может сложиться убеждение (правда, одностороннее) в виновности лица, против которого он выдвигает обвинение. Одностороннее – в силу того, что он собирает доказательства как обвинитель. В российском процессе положение прокурора иное. Он орган надзора и в качестве такового идет в процесс, чтобы в ходе судебного разбирательства при непосредственном исследовании доказательств сделать вывод о виновности или невиновности обвиняемого. И если это так, то прокурор в ходе судебного процесса не считает обвиняемого виновным или невиновным, а вместе с другими участниками процесса устанавливает его вину (ее отсутствие).

Таким образом, и прокурор не является субъектом реализации – здесь уже можно ввести кавычки – «принципа» презумпции невиновности. Тем самым только один субъект процесса – судья, вынесший приговор, – обязан считать обвиняемого невиновным до вступления его в законную силу. Но если это даже так, то в данном случае так называемый принцип остается в голове, но не проявляется в деятельности³.

С позиций изложенного становится понятно, почему М. С. Строгович предложил несколько иную редакцию «принципа» презумпции невиновности. Напомним его

¹ Строгович М. С. Участие прокурора в судебном заседании // Социалистическая законность. 1944. № 7–8. С. 20.

² Чельцов-Бебутов М. А. Прокурор и адвокат в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1945. № 4. С. 46. См. также: Шифман М. Методика подготовки обвинительной речи // Там же. 1944. № 9–10. С. 17.

³ Оригинально решал вопрос о моменте, с которого прекращается действие презумпции невиновности, Е. Г. Мартыничик. Он писал, что «презумпция невиновности действует только до привлечения лица в качестве обвиняемого» (Мартыничик Е. Г. Гарантии прав обвиняемого на защиту в суде первой инстанции. Кишинев, 1975. С. 83). И. А. Либус утверждал, что «следователь, прокурор и суд должны исходить не из презумпции невиновности, а из презумпции виновности» (Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 83). Но позиция этих ученых не нашла широкого распространения.

содержание: «Всякий обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке». Подобная формула до конца деперсонифицировала субъектов ее реализации и, следовательно, запутала вопрос о ее способах. Сторонники «принципа» презумпции невиновности посчитали, что это случилось при принятии Конституции СССР 1977 г., в ст. 160 которой установлено: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом»¹. Статья эта находится в гл. 20 Конституции, которая носит название «Суд и арбитраж» и начинается со ст. 151, где сказано, что правосудие в СССР осуществляется только судом. В последующих статьях перечисляются суды разного уровня, говорится о порядке их образования, избираемости, организации и порядке деятельности, затем о коллегиальности и независимости, равенстве граждан перед законом и судом, гласности, обеспечении обвиняемому права на защиту, языке судопроизводства. И только после этого приводится ст. 160, в которой, на наш взгляд, раскрывается суть правосудия как деятельности.

Иного мнения придерживался М. С. Строгович. Он писал, что ст. 160 Конституции «содержание презумпции... охвачено не полностью»². В первую очередь возникает вопрос: почему речь ведется о ст. 160 Конституции, ведь это не первый законодательный акт, в котором закреплено аналогичное содержание? Впервые оно появилось в ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик³, принятых в декабре 1958 г. Называлась соответствующая статья «Осуществление правосудия только судом», состояла из двух частей: «Правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». Название статьи говорит само за себя. Содержание первой и второй частей взаимосвязано: в первой речь идет об органе, осуществляющем правосудие, во второй – о сущности правосудия как деятельности. В такой ситуации очень сложно обосновать, что вторая часть связана с презумпцией невиновности.

Из предыдущих текстов М. С. Строговича видно, что главным словом для него, в котором заключается суть презумпции, является слово «считается». В ст. 160 и намек на него нет. «Считается» – это отношение к обвиняемому, которое сохраняется до определенного момента; во фразе «Не может быть признан виновным» упор делается на том, что именно суд – единственный орган, который может признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему уголовное наказание. В первом случае предписание, адресованное необозначенному кругу лиц, относится к обвиняемому. Во втором указывается на орган, чья деятельность снимает необходимость выполнения этого предписания.

Позицию М. С. Строговича поддержал И. Я. Дюрягин. Он писал: «Хотя главное содержание презумпции невиновности и выражается в ст. 7 Основ, но не сводится только к ее положениям. Кстати, нельзя не учитывать, что приведенная статья закрепляет не презумпцию невиновности, а, как видно из ее названия, принцип осуществления правосудия по уголовным делам только судом»⁴. Автор в своих рассуждениях допускает явное противоречие: то рассматривает содержание ст. 7 Основ как неполное, но выражение презумпции невиновности, то пишет, что статья закрепляет не презумпцию, а принцип осуществления правосудия только судом. Текст одной статьи не может предусматривать на равных содержание двух принципов. Это очень похоже на антиномию или, точнее, парадокс⁵.

Презумпцию невиновности обвиняемого получилось закрепить не на законодательном уровне, а на уровне Верховного Суда СССР. В постановлении Пленума от

¹ URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 24.05.2019).

² Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 72.

³ URL: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_36351.html (дата обращения: 24.05.2019).

⁴ Дюрягин И. Я. К вопросу о презумпции невиновности // Актуальные проблемы советского уголовного процесса. Свердловск, 1987. С. 19.

⁵ «Антиномия – это рассуждение, образуемое двумя высказываниями, каждое из которых приводит к взаимоисключающим выводам, которые нельзя отнести ни к истинным, ни к ложным». См.: Гуманитарные технологии: аналит. портал. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7138> (дата обращения: 24.05.2019).

16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» фиксируется формула презумпции невиновности, предложенная М. С. Строговичем в 1930-е гг.: «Обвиняемый (подсудимый) считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»¹.

Список литературы

Антиномия // Гуманитарные технологии: аналит. портал. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7138> (дата обращения: 24.05.2019).

Арсеньев В. Д. О фактах, не подлежащих доказыванию // Правоведение. 1965. № 1.

Барабаш А. С. Возникновение формулы «презумпция невиновности»: разоблачение некоторых мифов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 5. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1533> (дата обращения: 20.06.2020).

Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.

Выступление А. Я. Вышинского по докладу М. С. Строговича «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде» // Социалистическая законность. 1934. № 4.

Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.

Газетдинов Н. И. Реализация принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве России // Журнал российского права. 2005. № 1. СПС «КонсультантПлюс».

Голунский С. А. К вопросу о реформе предварительного расследования // Проблемы социалистического права. М., 1938. Вып. 4.

Голунский С. О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. М., 1937. Кн. 4.

Дюрягин И. Я. К вопросу о презумпции невиновности // Актуальные проблемы советского уголовного процесса. Свердловск, 1987.

Заблоцкий В. Г. Признание лица виновным в совершении преступления не иначе как по приговору суда – выражение принципа осуществления правосудия только судом // Актуальные проблемы советского уголовного процесса: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1987.

Каминская В. И. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1946. № 4–5.

Касумов Ч. С. Презумпция невиновности в советском праве. Баку, 1984.

Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1967. Т. 4.

Левчук С. В. Политико-правовая природа принципа «презумпции невиновности» // История государства и права. 2015. № 16. СПС «КонсультантПлюс».

Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент. 1981.

Мартыничук Е. Г. Гарантии прав обвиняемого на защиту в суде первой инстанции. Кишинев, 1975.

Мокичев К. А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., 1959.

Правда. 1930. 8 дек.

Рахунов Р. Обвинительное заключение // Социалистическая законность. 1945. № 11–12.

Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984.

Строгович М. С. Участие прокурора в судебном заседании // Социалистическая законность. 1944. № 7–8.

Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.; Л., 1947.

Тадевосян В. С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Советское государство и право. 1948. № 6.

Фикция // Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3576/ФИКЦИЯ (дата обращения: 07.02.2018).

Химичева О. В., Химичева Г. П. Совершенствование принципов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. СПС «КонсультантПлюс».

Чельцов-Бебутов М. А. Прокурор и адвокат в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1945. № 4.

Шифман М. Методика подготовки обвинительной речи // Социалистическая законность. 1944. № 9–10.

Эсендилов М. В. Роль международных правовых стандартов в обеспечении прав обвиняемого // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. СПС «КонсультантПлюс».

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1978. № 4.

References

Antinomiya // Gumanitarnye tekhnologii: analit. portal. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7138> (data obrashcheniya: 24.05.2019).

Arsen'ev V. D. O faktakh, ne podlezhashchikh dokazyvaniyu // *Pravovedenie*. 1965. № 1.

Barabash A. S. Vozniknovenie formuly «prezumpsiya nevinovnosti»: razoblachenie nekotorykh mifov // *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*. 2019. № 5. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1533> (data obrashcheniya: 20.06.2020).

Chel'tsov-Bebutov M. A. Prokuror i advokat v sovetskom ugovolnom protsesse // *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1945. № 4.

Dyuryagin I. Ya. K voprosu o prezumpcii nevinovnosti // *Aktual'nye problemy sovetskogo ugovolnogo protsessa*. Sverdlovsk, 1987.

Esendirov M. V. Rol' mezhdunarodnykh pravovykh standartov v obespechenii prav obvinyaemogo // *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2015. № 2. SPS «Konsul'tantPlyus».

Fiktsiya // *Filosofskaya entsiklopediya*. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3576/FIKTSIYa (data obrashcheniya: 07.02.2018).

Gazetdinov N. I. Realizatsiya printsipa prezumpcii nevinovnosti v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii // *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2005. № 1. SPS «Konsul'tantPlyus».

Golunskii S. A. K voprosu o reforme predvaritel'nogo rassledovaniya // *Problemy sotsialisticheskogo prava*. M., 1938. Vyp. 4.

Golunskii S. O veroyatnosti i dostovernosti v ugovolnom sude // *Problemy ugovolnoi politiki*. M., 1937. Kn. 4.

Kaminskaya V. I. Prezumpsiya nevinovnosti v sovetskom ugovolnom protsesse // *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1946. № 4–5.

Kasumov Ch. S. Prezumpsiya nevinovnosti v sovetskom prave. Baku, 1984.

Khimicheva O. V., Khimicheva G. P. Sovershenstvovanie printsipov ugovolnogo sudoproizvodstva // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2014. № 4. SPS «Konsul'tantPlyus».

Koni A. F. *Sobranie sochinenii*: v 8 t. M., 1967. T. 4.

Levchuk S. V. Politiko-pravovaya priroda printsipa «prezumpcii nevinovnosti» // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2015. № 16. SPS «Konsul'tantPlyus».

Libus I. A. Prezumpsiya nevinovnosti v sovetskom ugovolnom protsesse. Tashkent. 1981.

Martynchik E. G. Garantii prav obvinyaemogo na zashchitu v sude pervoi instantsii. Kishinev, 1975.

Mokichev K. A. Protiv revizionistskikh izvrashchenii marksistsko-leninskogo ucheniya o gosudarstve i prave. M., 1959.

Pravda. 1930. 8 dek.

Rakhunov R. Obvinitel'noe zaklyuchenie // *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1945. № 11–12.

Shifman M. Metodika podgotovki obvinitel'noi rechi // *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1944. № 9–10.

Strogovich M. S. Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom protsesse. M., 1955.

Strogovich M. S. Pravo obvinyaemogo na zashchitu i prezumpsiya nevinovnosti. M., 1984.

Strogovich M. S. Uchastie prokurora v sudebnom zasedanii // *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1944. № 7–8.

Strogovich M. S. Uchenie o material'noi istine v ugovolnom protsesse. M.; L., 1947.

Tadevosyan V. S. K voprosu ob ustanovlenii material'noi istiny v sovetskom protsesse // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1948. № 6.

Vladimirov L. E. Uchenie ob ugovolnykh dokazatel'stvakh. Tula, 2000.

Vyshinskii A. Ya. Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave. M., 1950.

Vystuplenie A. Ya. Vyshinskogo po dokladu M. S. Strogovicha «Obvinenie i obvinyaemyi na predvaritel'nom sledstvii i na sude» // *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1934. № 4.

Zablotskii V. G. Priznanie litsa vinovnym v sovershenii prestupleniya ne inache kak po prigovoru suda – vyrazhenie printsipa osushchestvleniya pravosudiya tol'ko sudom // *Aktual'nye problemy sovetskogo ugovolnogo protsessa: mezhvuz. sb. nauch. trudov*. Sverdlovsk, 1987.